

И всегда Родина наша считала своей обязанностью помогать братским республикам. Мы оказывали им экономическую и техническую помощь, как истинные друзья, не вмешиваясь в их внутренние дела.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 39 (3640) Суббота, 31 марта 1956 г. Цена 40 коп.

Жизнь выдвигает...

НЕДАВНО в правление пришел колхозник Платон Евтеевич Емельянов. Разговорились. — Хочу, Иван Абрамович, построить дом новый соорудить. Куда ни пойдешь, то тут, то там видишь добротные, новые дома, под краску. А я что, хуже других?

И. ЕМЕЛЬЯНОВ, председатель колхоза имени Тимирязева, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР

— Да ничего не мешает. Хочу просить у правления сосу ты тысяч на пять-семь. Не откажете, наездок? — Полагаю, что нет. Надо и в колхозную кассу взаимопомощи обратиться. Там тоже могут дать несколько тысяч в расрочку да колхоз поможет. Правда, фонда у нас специального нет. Тогда дело было бы проще. Наверно, читал, что сказал об этих фондах для строительства в колхозах Никита Сергеевич Хрущев на XX съезде партии?

И уж совсем полное небрежение проявляется к планировке колхозного двора. Где и какие должны быть постройки, как лучше разместить во дворе скот и птицу? Обычно в нашей Горьковской области, как, впрочем, и во всех районах Северо-Востока, прямо к дому, под одну крышу, пристраивается хлев. Едва ли это можно признать целесообразным в санитарном и гигиеническом отношении.

— Как же, читал. Стояло бы и нам в колхозе подумать об этом. Много мыслей будят у колхозников материалы XX съезда партии. Очень широко обсуждается вопрос о строительстве в колхозах. До сих пор в этом деле была неразбериха. Скажем, к примеру, производство кирпича и черепицы. Эта подсобная, но весьма нужная отрасль хозяйства на селе находилась как бы «на нелегальном положении». Дело дошло до того, что в иных колхозах не найти кирпича, чтобы переложить печь, выложить дымовую трубу, поставить дом на кирпичный фундамент.

Все эти проблемы благоустройства давно пора бы решить. Но не чувствуют колхозники, чтобы этим серьезно занималось Министерство городского и сельского строительства, а также архитектурные организации и институты.

— Полагаю, что нет. Надо и в колхозную кассу взаимопомощи обратиться. Там тоже могут дать несколько тысяч в расрочку да колхоз поможет. Правда, фонда у нас специального нет. Тогда дело было бы проще. Наверно, читал, что сказал об этих фондах для строительства в колхозах Никита Сергеевич Хрущев на XX съезде партии?

Пора кончать с наследием, порожденным реформой хозяйственной и культурной сталостальки деревни, — об этом «наследии» так справедливо говорилось на XX съезде партии.

Между тем ничего хитрого в производстве кирпича нет. Иные председатели колхозов почему-то отмахиваются от этого дела, а районные, да и областные организации стоят в стороне, рассчитывая, видимо, на централизованное снабжение. Это, конечно, куда безответнее. Теперь введена ясность — колхозники сами должны решать вопрос, нужно ли не нужно им заниматься производством кирпича.

Колхозники проявляют живой интерес к благоустройству сел, к улучшению быта. Это вполне понятно. Усилия партии и народа по дальнейшему подъему сельского хозяйства уже принесли первые результаты. Увеличилось производство зерна, технических культур, заметно поднялась продуктивность скота, повысились денежные доходы. Колхозы значительно окрепли, больше стало передовых хозяйств.

В нашей колхозе производство кирпича налажено давно и оказалось вполне рентабельным. Ежегодно выпускается полмиллиона и более штук — никакой «кирпичной проблемы» не существует: кирпич может купить каждый колхозник, и недорого. Даже зимой, в морозы, обжиг кирпича-сырца, заготовленного еще летом, шел полным ходом.

Все это видно на примере колхозов Горьковского района. Достаточно сказать, что на текущих счетах этих колхозов в банке значится более тридцати двух миллионов рублей.

Сооружаем мы не только производственные здания. На центральной усадьбе находится «в лесах» двухэтажный клуб на шестьдесят мест. Он будет готов летом нынешнего года. В клубе будут большой зрительный зал, стационарное кино, обширная библиотека, комнаты для художественных и спортивных кружков. Строительство клуба обойдется примерно в полтора миллиона рублей.

Что касается нашего колхоза, то он сделал заметный шаг вперед. Уйдя за год вперед более чем на восемьсот литров молока, льноволокна, получено семь с половиной центнеров с гектара, а льносемян — свыше шести. Обойный доход артели вместо обычных трех-четырёх миллионов рублей поднялся до шести миллионов.

Жизнь показала полную целесообразность постройки жилого восьмиквартирного дома каменного дома. Сооружен он тоже из кирпича, силами колхоза.

Очень правильно указано в постановлении, чтобы по решению общего собрания оплата колхозникам трудовой, затраченной на строительство, относилась за счет денежных недельных фондов.

Колхозники очень одобряют слова Никиты Сергеевича Хрущева о строительстве домов для престарелых. Все единодушно говорят, что этим стоит заняться сегодня же. В колхозе имени Тимирязева немало престарелых, нетрудоспособных членов артели, среди них и такие, о которых некогда позаботиться. Прямой долг колхоза — обеспечить таким людям спокойную жизнь на старости лет.

А что раньше получалось? Многие колхозы строились своими силами. У нас, например, имеется строительная бригада, в которую входят плотники, каменщики, штукатуры, плотники и строители других профессий. Получалось так, что по уставу ни правление, ни общее собрание не могло оплачивать трудной колхозников-строителей за счет средств недельного фонда. Это допускалось только для нанятых со стороны.

Настала пора, когда в деревне надо не только строить, но и строить дешевле, лучше, красивее. Следует серьезно подумать о планировке сел, об архитектуре, о новом типе жилого дома колхозника, о расположении построек в колхозном дворе.

И появились «дикие бригады» строителей, которые драли втроедорога. Жизнь выдвигает и другие важные вопросы, связанные с заботой о тружениках колхозной деревни. Мы имеем в виду создание фонда помощи инвалидам, старикам, временно потерявшим трудоспособность, и т. д. Такой фонд обычно создается в колхозах, но не достаточно, сильно колеблется в размерах. Помощь эта нередко носит «благотворительный» характер или характер некоей взаимопомощи.

Колхозы существуют более четверти века. Они выросли, окрепли. Тысячи сельскохозяйственных артелей имеют миллионные доходы. И в успехи наших колхозов заложена большая доля труда престарелых членов артели, первых организаторов и строителей новой жизни в деревне. Теперь они по возрасту отошли уже от производства.

Несомненно, что ветераны колхозов, проработавшие по 20—25 лет и более в хозяйстве, имеют полное право на пожизненное пособие. Для этого в экономически крепких колхозах имеются все возможности.

Ровно год назад, по инициативе передовых колхозников, на общем собрании нашей артели было предложено правлению разработать проект гарантийного обеспечения членов колхоза по старости, временной потере трудоспособности, увечью. Правление разработало такой проект. Он обсуждался в звеньях, в бригадах, на фермах и в январе этого года утверждён с поправками на общеколхозном собрании.

В решении общего собрания, принятом единогласно, говорится, что всем членам артели, проработавшим без перерыва в колхозе 25 лет (если им исполнилось 65 лет), выплачивать ежемесячно по 120 рублей. Выплачивать пожизненно. Колхозникам, временно потерявшим трудоспособность, за время болезни оплачивать по 70 рублей, а в случае увечья — по 100 рублей в месяц. Особо отличившимся членам артели, по решению общего собрания, будут устанавливаться персональные пособия, в размере до 250 рублей. Все пенсии выплачиваются независимо от того, есть ли в семье трудоспособные или нет.

Хочу отметить, что многие ветераны, несмотря на преклонный возраст, прекрасно трудятся на различных участках, двигают вперед общественное хозяйство. Среди них немало отличных мастеров высших урожаев, хороших животноводов, плотников, механизаторов. Они передают свой богатый опыт молодежи, прививают ей любовь к сельскому хозяйству.

Работает или не работает престарелый колхозник, — ему почет, уважение и вместе с тем ежемесячная гарантированная денежная оплата. Для каждого члена артели важна не только сама по себе материальная помощь, но и большая забота всего коллектива о человеке, внимание к его нуждам.

Когда-то крестьянин, работая в единоличном хозяйстве, все делал за свой страх и риск. Недорого — он и его семья страдали; стихийное бедствие — идет по миру; старость пришла, — что с него взять? Он нахлебник, лишней рот в семье.

Год назад в одной из деревень сгорело несколько домов. Был старое время, погорельцы пошли бы по миру. Но колхоз не оставил в беде членов артели. Полина Гагарина и другие семьи получили продукты и, кроме того, по две-три тысячи рублей на каждое хозяйство. За какой-нибудь год все заново отстроилось и живут так же безбедно, как и другие члены артели.

Пожалуй, не было бы смысла узаконить отпуска колхозникам на две-три недели. Всякое бывает: у иных родителей дети учатся в городе — надо поехать навестить или побывать у родных, некоторым нужно поехать в отпуск, колхозники могут две недели отдохнуть в своей здравнице.

Заметили мы, что после того как общее собрание приняло постановление о пособиях, у колхозников повысился интерес к работе, стремление отдать свои силы, знания и опыт общественному хозяйству. Эта мера оказалась не только справедливой, но и эффективной.

Говорят шведы

Приезд в нашу страну премьер-министра Швеции господина Таге Эрландера — важное событие международной жизни. Советские литераторы вместе со всей советской общественностью надеются, что этот визит приведет к дальнейшему укреплению и развитию добрососедских отношений между СССР и Швецией.

Стремление шведского народа к миру — бесспорно. С другой стороны, нам хорошо известно также, с какой симпатией и пониманием относится шведская общественность к миролюбивой политике Советского правительства. Об этом мы знаем от самих шведов, особенно от тех, которые посетили Советскую страну в составе различных делегаций. Они много поняли, многое им понравилось.

Не будем комментировать их высказываний. Лучше представим слово им самим.

«Шведская делегация прибыла в Советский Союз без предвзятых мнений, но в результате того, что она увидела, уже приходится испривать многие извращенные представления о Советском Союзе».

«Тот, кто, имея холодную голову, желает попытаться составить объективное суждение, безусловно, должен отказаться под впечатлением той духовной и материальной созидательной работы, которая происходит в России... Соседним народам всегда полезно узнать друг друга, ибо так вырастает понимание и уважение, что полезно для мира и дружественных отношений».

«У того, кто приезжает в Советский Союз, не создается впечатление, чтобы русские в настоящее время готовили войну; их силы и интересы направлены, повидимому, прежде всего на гигантские общественные преобразования, которые теперь, по прошествии 35 лет борьбы и трудностей, начинают принимать действительные результаты и беспорные успехи».

«Было чрезвычайно радостно видеть, с каким энтузиазмом приветствовала шведских артистов русская публика. Не хватало слов для описания того, как проходили концерты, сопровождавшиеся продолжительными аплодисментами, возласами одобрения и возгласами «бис»».

«В Советском Союзе проявляется большая забота о детях».

«Мы возлагаем большие надежды на более широкое сотрудничество с русскими энергетиками, что, наверно, могло бы принести пользу обеим сторонам».

«Со времени моей первой поездки в СССР произошли замечательные изменения. Значительно повысилась жизненный уровень. Русские многое знают о Швеции. Очень легко войти в контакт с шведами, особенно с детьми и молодежью, которая часто высказывала просьбы помочь установить переписку со шведскими детьми и юношами».

«Я был поражен высоким уровнем, на котором ведется научно-исследовательские работы».

«В Советском Союзе мы повсюду встречаем сердечное и дружественное отношение к себе и чужакам, что встретили в наших друзьях. Красной нитью наших бесед с русскими рабочими было желание поддерживать дружественные отношения между Швецией и Советским Союзом. Много раз во время этих бесед произносились слова «мир»».

НА ТЕМЫ От Уфы до берегов Байкала

На берегу Иртыша, неподалеку от Омска, за последние три года вырос городок, не получивший еще своего имени. Построены кварталы благоустроенных домов, школы, больницы, открыты магазины... Автобусы, троллейбусы и трамваи связывают Омск с городком. Городок возник вокруг переноса сибирской нефтяной промышленности — Омского нефтеперерабатывающего завода.

Нам не хватает только машин, которые могли бы рыть траншеи в зимних условиях, говорит А. Галганов. — Они пока еще не созданы. Однако работы на трассе не прекращались даже в разгар зимы — шла электросварка и антикоррозийная изоляция труб.

РЕПЛИКИ

Тов. Янов во многом прав, критикуя существующий порядок приема в высшую школу. Однако с некоторыми положениями его статьи я не могу согласиться. Дело в том, что он отравляет вопрос о признании молодого человека от его подготовки. Думается, очень важно, чтобы в сознании поступающих в вуз укрепились правильные представления о взаимосвязи призвания и знания — о том, что призвание не является случайным «даром небес», а вырабатывается в процессе настойчивой учебы.

Ю. ГАЙДУК, преподаватель вуза ХАРЬКОВ

Собеседование — безусловно, хорошая форма знакомства с будущими студентами. Такое собеседование иногда позволяет установить причины, по которым вчерашний школьник стремится в данный вуз. Но ставить его судьбу в зависимость от собеседования, думается, неправильно. Можно ли требовать от каждого члена приемной комиссии, чтобы за несколько минут он сумел точно установить наклонности экзаменуемого? Не лучше ли разрешить проводить экзамены по профилирующей в данном вузе или на факультете дисциплине с несколькими посвященными требованиями?

М. РУРА, ЛЕНИНГРАД

Перед лицом приемной комиссии должен предстать человек с аттестатом зрелости, с характеристикой школы, с рекомендацией педагогического совета и руководителем внешкольного кружка. И обязательно — собеседование. Мне пришлось работать в приемной комиссии Ленинградского политехнического института имени Калинина. Подобное собеседование мы проводили с некоторыми поступающими, и мне хочется сказать, что оно полностью оправдало себя. При известном опыте комиссии, состоящей из компетентных, внимательных людей, может выноситься правильное решение о приеме молодежи в вуз.

Л. ПОПОВ, инженер Беломорская ЛАТВИЙСКАЯ ССР

Считаю, что будет очень полезно, если определиться в вопросе экзаменоваться в высшее учебное заведение будущий студент получит от комсомольской и партийной организации, от общественности.

П. АРТЕМЕНКОВ, ученик 10-го класса вечерней школы Смоленская область

На мой взгляд, целесообразно было бы установить для всех без исключения (медалистов и не медалистов) обязательный годичный срок работы на производстве. И только при наличии положительных характеристик с места работы можно допускать молодежь к приемным экзаменам.

А. ШУЛЬКИН, председатель колхоза Латвийская ССР

«В ПРЕДДВЕРИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»

7 января в «Литературной газете» была опубликована статья Я. Янова «В преддверии высшей школы». Автор предложил пересмотреть правила приема в высшие учебные заведения.

Редакция получила на статью Я. Янова много откликов. Принимая или отвергая отдельные положения автора, большинство читателей считает, что он своевременно поднял важный вопрос о необходимости пересмотра порядка приема в вузы. Читатели подчеркивают, что XX съезд КПСС обратил серьезное внимание на улучшение качества подготовки специалистов с высшим образованием. В связи с этим вопрос о том, кого же и как принимать в высшую школу, приобретает особое значение. Сегодня мы печатаем часть читательских откликов на статью «В преддверии высшей школы».

Почему они не приняты в университет...

В «Литературной газете» была напечатана статья Я. Янова «В преддверии высшей школы».

Мне, как профессору Московского государственного университета, приходится ежегодно принимать участие в наборе нового контингента студентов. В отличие от тех профессоров, о которых пишет тов. Янов, я, как и многие мои коллеги, обязательно задаю поступающим вопрос: почему вы идете именно в МГУ и именно на филологический факультет? Надо сказать, что, за редким исключением, ответ бывает самый навязный: «люблю читать» и т. д.

Во время собеседований, которые проводятся в МГУ, мне с горечью приходится убеждаться в том, что многие молодые люди, окончившие школу с золотой медалью, вместо содержательных, толковых ответов на вопросы излагают заученные фразы из учебников.

Но вот приходит 1 сентября. И, знакомый с новым набором, с неприятным чувством убеждаюсь, что перед тобой сидит немало таких студентов, которым не место в университете: вон та девушка все перепутала в ответе о творчестве Великого, этот молодой человек совершенно не знает истории XIX века. И невольно возникает вопрос: зачем же их приняли? Но ведь они медальсты: они в течение всей своей школьной жизни «были на медаль», учителя всячески способствовали им в этом, директор школы требовал этого от учителей, а родители — от учеников.

Знакомясь с аудиторией, замечаешь и другое. Где тот толковый молодой человек, который так много знал сверх программы и отлично, по своему, отвечал на вопросы довольно сложного характера? Нет и девушки в очках, заикавшейся, нервной, но прекрасно, с живым интересом отвечавшей на вопросы, которые мы ей ставили. И нет еще многих из тех, в ком мы уже на собеседовании увидели будущих филологов.

В университете их не приняли. По конкурсу они «не набрали очков», и мы их лишили.

Я убежден, правильной было бы заменить экзамены в вузах собеседованием по специальности. И не одним собеседованием, а двумя или тремя, но все по специальности (родной и иностранный язык, литература, история и т. п.). Я считаю также, что тов. Янов совершенно прав, когда он говорит, что медаль — награда за учебу в школе, а не путевка в вуз. Давно пора отменить эту функцию медали. Нам, преподавателям высшей школы, особенно ясно видно, что прием медалистов в вуз на особые основания не оправдан.

Единственное, что вызывает у меня сомнение в статье тов. Янова, — это его мысль о том, чтобы педагогический совет школы выносил при выдаче аттестата решение о рекомендации выпускника в институт. Мне кажется, что такие рекомендации существуют и не изменят и дадут привилегии при поступлении в вуз тем молодым людям, которые раньше «шли на медаль».

Наконец, я хотел бы остановиться еще на нескольких вопросах, которые, как мне кажется, важны для работы не только высшей, но и средней школы. Речь идет о том, что у нас существует значительный разрыв между методом обучения в старших классах школы и в вузах. Этого не должно быть. Методику преподавания в средней школе необходимо серьезно пересмотреть. В старших классах ученикам следует смело прививать навыки самостоятельной работы.

Я убежден, что способствовать этому могла бы систематическая работа преподавателей вузов в старших классах. Это приблизило бы высшую и среднюю школы, помогло бы ликвидировать нечеткость в обучении школьников, привило им навыки самостоятельной работы, необходимые не только в вузе, но и в жизни, на любом предприятии, куда может пойти выпускник десятилетки.

Вопросы, которые поднял в своей статье тов. Янов, заслуживают самого пристального внимания министерства высшего образования и просвещения. Систему приема в высшую школу пора изменить.

Проф. Р. САМАРИН, заведующий кафедрой истории зарубежной литературы МГУ

РЕПЛИКИ

Письменный экзамен по специальности и диктант по языку, на котором ведется преподавание в вузе, должны заменить все экзамены, устраиваемые неуженные дублирование школьных выпускных экзаменов. Отказаться от школьных экзаменов, которые даются при поступлении в вуз, следует еще и потому, что они мешают отбору чистых, имеющих призвание к данной специальности.

И. ЖАРКИХ, старший преподаватель педагогического института, кандидат филологических наук КИРОВОГРАД

Мне представляется, что теперь, когда все большее количество выпускников школ направляется на производство, настало время подумать о специализации школы, чтобы готовить учащихся для трудовой деятельности. При такой системе молодой человек, окончив школу, должен сразу же поступить в вуз, где он будет учиться по специальности.

И. КУВАШЕВ, кандидат технических наук ЛЕНИНГРАД

Выпускников средних школ, поступающих к нам, сразу же принимают в группы политтехнического института при заводе. А какие из них получаются специалисты, судить трудно. Я тоже за то, чтобы предприятие давало рекомендацию для поступления в институт тому, кто действительно проявил интерес и стремление к избранной специальности.

А. ЛОБАНКОВ, бухгалтер подшипникового завода САРАТОВ

При подсчете суммы баллов на приемных экзаменах следовало бы давать больший вес баллам по одной или двум дисциплинам, а основным для данного вуза или факультета. Можно также учитывать баллы по профилирующим дисциплинам, если только по остальным предметам оценки не ниже тройки. Лишь при прочих равных условиях следует учитывать баллы по остальным предметам.

А. ЗАРЕЦКИЙ, профессор КУРСК

Собеседования с поступающими в вуз представляются мне весьма сомнительными, и вот почему. Убеждение в признании обычно формируется у школьников в результате того, что окружающая его обстановка способствует развитию привлекательных сторон какой-либо профессии. Очень часто подобной обстановки в школах нет, и тогда выпускник не имеет определенного мнения о своем призвании.

Означает ли это, что преподаватели вузов не сумеют принять такому выпускнику любви к специальности? Опыт показывает, что задачу воспитания любви к специальности и формирования хорошего специалиста в институте можно решить успешно.

Г. ЗАЙДЕНБЕРГ, кандидат технических наук МУРМАНСК

КОСТА ХЕТАГУРОВ

В столице Северной Осетии — городе Орджоникидзе в начале прошлого года был воздвигнут монументальный памятник выдающемуся общественному деятелю, основоположнику осетинской литературы Косте Хетагурову (1859—1906).

Поэт гражданского долга, Коста Хетагуров выражал думы и чаяния народа, изблещал тех, кто строил свое благополучие на угнетении и порабощении трудящихся. Общественное благо, правда народная были для него превыше всего. Во имя этого поэт страдал, боролся, творил.

Везде для всех я песнь свою слагаю, Везде раздаю открыто я кордо И грудью грудь насилию встречаю И смело всем о правде говорю...

Жизнь поэта, родившегося в небольшом горном ауле Нар, сложилась тяжело. С малых лет Коста потерял мать, познал голод, лишения. Только большая воля, настойчивость и талант помогли ему получить образование. В 1881 году, проучившись несколько лет в ставропольской гимназии, Коста Хетагуров поступил в Академию художеств. Там, в Петербурге, в среде революционно настроенной молодежи, формировалось передовое мировоззрение Хетагурова, который с детства жадно впитывал вольнолюбивые мотивы осетинского народного-поэтического творчества, а в школьные годы, когда им созданы первые стихотворения, — поэзию Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

К. Хетагурову не удалось окончить Академию художеств. Он был исключен. Реакционный режим Александра II жестоко подавлял свободную мысль в самой России и проявления самобытной передовой культуры других народов, населявших империю. В 1885 году Коста Хетагуров вернулся на родину.

Глубоко потрясенная картина происходящего в те годы разорения широких трудящихся масс Осетии. Царские чиновники, капиталисты, помещики-адапты стояли горdec в дедовских землях, забавлялись, доводя до отчаяния. Воль народа стала болью поэта.

Но более бедным, чем я, Вернувшись, нашел я тебя, Народ, изурнанный заботой. Нет места тебе ни в горах, Ни в наших привольных полях: Не стой, не ходи, не работай!

С этого времени Коста Хетагуров полностью посвятил себя борьбе за национальную и социальную свободу народа. Этой цели он подчинил свое перо поэта, кисть живописца, темперамент публициста.

Дело избранное Коста Хетагуровым, требовавшее стойкости и мужества. Ни преследования царской администрации, ни нужда и болезнь, ни дурная ссылка не сломили его. Порой он чувствовал усталость, порой возникали у него сомнения, но они никогда не определяли его творчества в целом. В широко известном сборнике «Осетинская лира», в стихотворении «Завещание» поэт так объясняет некоторые черты своего творчества:

Прости, если отзвук рыданья Услышишь ты в песне моей: Чье сердце не знает страданья, Тот пусть и поет веселей. Но если б народу родному Мне долг оплатить удалось, Тогда б я запел по-другому, Запел бы без боли, без слез.

В Доме-музее А. П. Чехова в Москве проходит конкурс на лучшее исполнение его произведений чтецами художественной самодеятельности. В конкурсе участвует 58 рабочих, инженеров, учителей, студентов, школьников.

Конкурс на лучшее чтение произведений Чехова

В жюри конкурса: О. Книппер-Чехова (почетный председатель), В. Орлов, А. Грибов, В. Готовцев, М. Дурасова, Ц. Мансурова, Ф. Фортунатов, В. Виленкин, сотрудники Государственного литературного музея.

Л. КИМОВИЧ

Пявочка и другие

В Армавире на автобусной станции, собираясь ехать в сторону Отрадной, я познакомился с словоохотливым стариком лет шестидесяти. Он назвался Тимофеичем и рекомендовался сторожем колхоза. Председатель отпустил его на воскресенье в город...

Кто много ездит, тот знает, что счастливые встречи в пути — не редкость. Знакомство с Тимофеичем я могу назвать счастливым уже только потому, что старик с самой войны работал сторожем и знал колхоз, по его выражению, «как архиме-тику». Он всю дорогу до станции (а пути было часа полтора-два) посвящал меня в последние тайны жизни колхоза. К концу поездки в автобусе я уже знал, что плохо в колхозе, что хорошо, в памяти у меня осталась целая галерея разных — хороших и так себе, посредственных людей.

Есть и такой экземпляр, — сурово сказал Тимофеич. — Отживший начальник. Ну, руководитель, одним словом, колхозного масштаба, — добавил он с иронией.

Этот «экземпляр», говоря словами Тимофеича, особенно интересовал меня. Я знал, что о таких людей в общей сложности немало. Но мнению сторожа, начальники такого рода подлежали «сплошному и поголовному» искоренению.

Приехав в станицу, мы с Тимофеичем направились к председателю дому. На крыльцо в этот момент вышел коренастый человек, бритоголовый, в черной толстовке.

Председатель пригласил нас в хату. Выслушав меня, вздохнул: — Есть такие, как же... Разные есть. Особенно один... экземпляр! Нетрудно было догадаться, что это слово, с легкой руки Тимофеича (а может, и председателя), приобрело в колхозе ругательное значение.

Пявочка, — подсказала Тимофеич. — Да, Пявочка. У него даже своя философия. Вы его поглядите хотите? Завтра я его вызову: давно говорить с ним хотел. Завалю человека: меры принимать надо. — Искренне, искренно! — высказал свое мнение Тимофеич.

— П-позвольте! — крикнул Пявочка. — Я прошу!.. — Булды его возмеле намерение разбить-ся о стол в лешку, но в последний миг изменил направление и снова прижался к груди.

Я прошу, Степан Пявоч, без этого самого... и прочего. Вы мне сигнализировали? Сигнализировали. Я пришел. Чинно-благородно. И давайте разговаривать с правой идиальной точки зрения.

На жирном лице Пявочки за короткий срок сменялись деляя гамма выражений: изумление, гнев, злость, даже благородное негодование.

— Ты не шуми, Пявочка, не шуми, спокойнее, — сказал Степан Пявоч и растерялся на толстовке пуговичку. Он уже не вспоминал. — Наши с тобой точки зрения не сходятся. И не сойдутся. Давай посмотрим твоё руководство. Я собрал данные за три года, а что было до этого, — не касаюсь. За три года ты сменил тринадцать должностей. И девять месяцев ходил без работы.

— Я не считал! Не занимаюсь пустаками! — Заскисшая улыбка уступила место ненависти. Глаза Пявочки сощурились, в них — вывоз. До этого он нет-нет и поглядывал на меня, беспокоился: что за посторонний в кабинете? А теперь, видно, вошел в роль человека, равного по положению с председателем, и готов отвлечь на его слова самым достойным образом.

— Тринадцать, — повторил Степан Пявоч. — Вначале был зампредом колхоза. Снят за превышение власти и клевету. С выговором. — Кто не руководит, тот не ошибается! — Два месяца ходил холостым. Поставлен бригадиром. Не справился. Снят и с этой должности. — Конь о четырех ногах, да слотыкается! — Месяц ходил холостым. Направлен зафермой — допущен падеж скота. Стоял вопрос о передаче дела в суд.

— От сумы да от тюрьмы не отрекайся! — Три месяца ходил холостым. Потом был учетчиком. Бригадир вмолился, чтобы тебя с ним развели. Был заведующим плотничьей мастерской. Выстроил сыну хату — сгнил. Был на электростанции. Сжег мотор, выгнали с боем. — За битого двух небитых дают! У меня опыт!

Пявочка не отступал. Наоборот, он переходил в наступление. Реплика его становилась все агрессивнее. Когда Степан

Ильич дошел до тринадцатой должности (оказывается, был Пявочка даже завклубом — смех и грех!), «руководитель колхозного масштаба» без передышки выпалил цитату о бережном отношении к кадрам.

— Знаю, — перебил его председатель. — Десять раз от тебя слышал. Заучил уже. — И он продолжил цитату до конца. — Только беречь такую «кадру» себе дороже станет. Принимай лошадей. Руководящей должности ты больше не получишь.

— Это я, руководитель! — Вот и руководи лошадым, тоже дело ответственное. — Степан Ильич доложил тебе совети сказать, я и лошадей доверит тебе боюсь. Боюсь!

Слушая разговор в кабинете председателя, я вспоминал знакомых мне собратов Пявочки из той же породы «отживающих начальников колхозного масштаба». Действовали они в том же направлении, но разными методами. Всех их родило одно: раздутое самолюбие, глубокая уверенность, что они рождены руководить, и в то же время полнейшая неспособность к той работе, на которую стремились, лень, умственное ожирение, бездарность...

Фамилия одной из таких «пявочек» была Орхидеев. Бог знает, каким чудом она стала маленькому, кругленькому, похожему на лопуха, человеку такая роскошная фамилия! На лице у него всегда было выражение грешника, денно и нощно заставляющего какое-то преступление. Когда Орхидеев говорил об ошибках, он вздыхал, опускал глаза и соглашался: «Это вы в точку попали». Или: «Факты имели место». Или: «Такие случаи были». Когда же дело доходило до решения, чем заниматься Орхидееву дальше, он заулыблился голоском перечисляя свои заслуги — со времени оно и до наших дней. Заслуг набиралось у него великое множество, потому что он когда-то создавал в станице зерный колхоз, руководил во время войны колхозом, когда-то ночевал у него знаменитый писатель и оставил книгу с автографом — этот факт Орхидеев тоже ставил себе в заслугу. Он не требовал должности, он просил, вымаливал ее и в райисполкоме и в райкоме. И добивался своего: сердобольных людей, уважающих прошлые заслуги, еще много. Выплакав должность (все

равно какому, только бы ничего не делать). Орхидеев начинал грешить. Потом снова каялся. Грешил и каялся, каялся и грешил...

Другой тип «пявочки» не похож ни на Егора, ни на Орхидеева. Те пожимали, этот еще молодой — тридцать пять лет. Фамилия его фигурировала только в официальных бумагах, а на деле все звали Бугайком.

И неспроста. Однажды на досуге в станице решил сосчитать законных и незаконных жен Бугайки. Начал, но и до сих пор, кажется, не кончил. По части любовных дел Бугаек была, несомненно, рекордсменом. Давно, еще до войны, он поработал секретарем комсомольской организации колхоза и с тех пор, видно, решил, что удел его — чем-нибудь и как-нибудь руководить. Ни до войны, ни после войны он не учился. Зачем? Семь классов есть, и хватил у них руководителей и того нет. Получая какую-нибудь должность, он пьянствовал, начальство из себя особенно не строил — начислял повышенный трудодень, и то хорошо. Расставался с должностью без криков, без боя — с прибаутками: «снял стружку, вставил лезу». В «антрактах» (так он называл перерывы в «руководящей деятельности») не брезговал черной работой: мог копнуть землю, лопнуть, убрать навоз из корытчиков. Но каждый день появлялся в конторе, присутствовал на всех заседаниях и выступал с одной целью: надеялся, что его слова заметят и выдвинут. Как это ни странно, его замечали и выдвигали, чтобы через полгода снять, как не справившегося с работой.

Знал я и других — из того же сорта «пявочек». Особая, отличительная черта всех их без исключения: они — кто шепотом, кто открыто — говорят, что методы работы новых руководителей колхоза плохие, неприглядные, вот если бы они встали у власти, они по-другому, лучше решили бы все вопросы. Наиболее характерным в этом отношении был Егор Пявочка.

...Разговор в кабинете председателя, как и следовало ожидать, окончился безрезультатно. Пявочка, побавровев, как вареный рак, встал и угрожающе заглянул: — Я в руководящие инстанции сигнализировать буду! Старые кадры шельмуем!

НЕСМОТЯ на то, что Н. Носов написал не так уж много, его произведения вносят новое, свежее в советскую детскую литературу.

НЕДЕЛЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Веселое мастерство

Детская литература. Достойства и недостатки этих произведений, особенно повести «Вита Малеев в школе и дома», разобраны в десятках статей. Каждый из писавших о Н. Носове отмечал, что его книги юмористичны.

Известно, что основой юмористического рассказа является юмористический образ. А. М. Горький писал: «Надо создать новые юмористические персонажи, которые явились бы героями целых серий книжек для детей». Эта задача еще не решена нашей детской литературой, и Н. Носов стремится к ее решению. Можно утверждать, что в его произведениях впервые в нашей детской литературе появились юмористический герой, наш современник — не взрослый (как дядя Степа) и не сказочный (как Буратино). Во многом этот герой еще неясен, некоторые черты его характера еще вырисовываются нечетко, но этот герой есть. И в этом — главное. Он является уже в цикле рассказов, на первом этапе творчества писателя.

Герой рассказов «Милкина каша», «Тук-тук-тук», «Дружок», «Телефон», «Огородники», «ЗИС» и почти всех других произведений Носова — чадо всего Милкина (или Кости, или Боля) — обыкновенный советский мальчуган, увлекательный, любознательный, энергичный. Он все пытается сделать сам, начиная от приготвления каши и кончая починкой телефона. При этом ему все кажется простым: «Сварим и кашу. Чего там ее варить?» — говорит Милка («Милкина каша»).

— Как разве ты соберешь (телефон)? Это понимает надо.

— Ну я и понимаю. Чего тут понимать! («Телефон»).

Герой Н. Носова гордо берется за дело, но быстро охладевает, отвлекается. Зато он великий мастер на выдумку. Милка никогда не унывает и быстро находит оправдание любому своему поступку. Во всех неприятностях Милки виновато фантазерство — основное свойство его характера. Оно же позволяет писателю и читателю относиться к Милке с теплым чувством.

Милка — образ положительный. Все его недостатки свойственны возрасту и уравновешиваются положительными качествами, которые сразу не бросаются в глаза, но неоспоримы. Он не только непоседа, фантазер, путаник и хвастунышка, но и по-настоящему любознательный, трудолюбивый, он хороший товарищ, чувство коллективизма в нем развито очень высоко. Этим и определяется отношение автора к своему герою: он выслушивает его, он заставляет рассказчика вздыхать над ним, — и он же любит его.

Этот образ у Н. Носова ничего общего не имеет с традиционным комическим «неудачником». Милка вовсе не неудачник; ему просто «не везет»; во всех его неприятностях виноват только слишком горячий темперамент. Это характер, несомненно, типичный для наших ребят. В нем выражено и стремление ребенка к активному действию, и его неопытность, неумение действовать целенаправленно, что вообще свойственно детям. Первая сторона характера Милки делает его образ положительным, вторая — дает основание для выслушивания его; следовательно, в самом образе Милки заложены возможности для создания веселой книги. Если бы в герое не было ничего смешного, то исцела бы и всякая почва для комического.

Как же использует писатель те богатые возможности комического, которые заложены в увиденном им герое?

Вот некоторые его излюбленные приемы, в которых, в частности, и проявляются стиль, художественное своеобразие писателя Н. Носова. Например, нагнетание ситуаций, в которых изображаются бесплодные попытки героев достичь цели, каждая из которых приводит к какой-нибудь неприятности. Так, пытаясь достать воду, Милка упустил в колодез ведро и веревку. Тогда он берет чайник, привязав к нему...

«Что это?» — спрашиваю. — «Блюпок». — «Какая?» — «Электрическая. У нас теперь электрический звонок есть, так что можешь звонить».

«Где ты взял?» — «Сам сделал». — «Из чего?» — «Из телефона». — «Как из телефона?» — «Очень просто. Звонок из телефона выдрал, кнопку — тоже. И батарейку из телефона вынул. Была игрушка — стала вещь!».

Своеобразный диалог «допрос» хорошо передает живые интонации речи: нетерпение, удивление, возмущение. Здесь обычно юмористичны не только форма диалога, его синтаксис, который в данном случае выражает комизм интонаций, настроений; этот диалог охватывается юмористически и ситуацией, и остроумными ответами, и путаницей. Такая форма называется очень смой.

«Пришли туда, а там стоят лошади и ест овся прямо из мешка. Ну, мы и попросили немного овса».

— У лошади попросили?! — удивился Милка.

— Да не у лошади, умики! У колхозника («Веселая семейка»).

Смешна здесь фраза «удивился Милка», смешно, что он хотя бы на мгновение всерьез предположил абсурдное.

Но надо сказать, что когда такие диалоги начинают попадаться (в более или менее завуалированной форме) на каждом шагу, к ним относятся уже с недоверием и думают: а что это? Реалистическая передача живой речи или это штампы? Свои, так сказать, собственного изготовления, но все же штампы?

Есть в книгах Н. Носова и другие досадные проявления однообразия в языке. Например, часто по произведениям мелькают словечки «батошки», «матушки», «братцы». Подобные выражения запоминаются сразу, и, будучи повторены много раз, становятся назойливыми. Это плохо для всякой книги и вдвойне плохо для книги юмористической, где каждая шутка, каждый оборот должны быть абсолютно свежими. В образ же писателя по большей части удается передать особенности детской речи, детской логики. Известно, что дети мыслят очень конкретно. И эта конкретность хорошо подмечается Н. Носовым. «...А Милка кашу варит, то-ест не варит, а сидит да на кастрюлю смотрит — она сама варится!».

Для взрослого эта фраза обычна: «Милка кашу варит». Ребенок же особенно тонко чувствует внутренний смысл слов, и ему эта фраза кажется неверной: каша варится сама. Деталь психологически верная.

Юмором охвачены почти все размышления героя. Писатель подмечает над умелым, ноузылым изложением мысли у ребят: «По-моему, совет — это что-то вроде человека внутри человека... Конечно, это только я так думаю про этого человека внутри человека, потому что внутри человека нет никакого человека... Совет — это я сам» — размышляет Коля Синицын. Здесь, как и в других случаях, смех вызывается комизмом речи ребенка.

Почти все произведения Носова, как уже было сказано, написаны от первого лица. Лицо это — сверстник читателя. Речь героя и речь автора в книгах Н. Носова сливаются. Средства для выражения авторской оценки при этом несколько суживаются, и юмор, как одно из этих средств, приобретает первенствующее значение. И это очень важно для юмористической книги. То, что взрослый автор как бы отсутствует, позволяет маленькому герою самому вести повествование, пусть самое смешное, с полной серьезностью. И это делает книгу особенно веселой.

Трудно сказать, как будет дальше развиваться творчество Николая Носова. Мы знаем, что оно не стоит на месте. Однако внутренняя логика творчества Н. Носова подсказывает, что каким бы ни был этот дальнейший путь, это должен быть путь тщательной разработки комических образов, путь дальнейшего совершенствования мастерства в юмористической, сатирической обработке слова.

С. СОЛОВЕВИЧ

В Ленинградском областном доме учителя есть студия скульптуры. Более четырех лет здесь занимается воспитательница детского сада № 42 Смольнинского района Е. С. Волкова. За это время она создала около 20 композиций, портретов и рисунков. Лучшим произведением были представлены на Всесоюзной выставке художников и скульпторов самодельные статуи. На снимке Е. С. Волкова работает над бюстом А. С. Пушкина. Фото И. Варанова

Дискуссия о киргизской поэзии

ФРУНЗЕ. (Наш корр.). Поэты Киргизии провели недавно два литературных вечера, на которых обсуждали поэтическую прозу, написанные за прошедший год. Обсуждение приобрело характер творческой дискуссии о тенденциях развития киргизской поэзии. В ней приняли участие поэты, члены литературных кружков и читатели.

Минувший год, как единодушно отметили участники вечера, отраден возмужанием. Недавно еще робкие поэтические голоса. Среди молодых поэтов выделяются Б. Сарпонов, выступивший поэтический сборник «Мои друзья», С. Джусуев, сформировавшийся с интересной книжкой стихов и поэм «Восна жизни», и молодой поэт-сатирик М. Борбутолов, басни которого известны в самых дальних углах Тянь-Шаня.

Стихи киргизских поэтов отражают все большую конкретность, освобождаются от бездумной риторики, от устаревших шаблонных приемов. Участники совещания говорили и о недостатках в творчестве поэтов.

Редактор журнала «Советтик Кыргызстан» С. Шимев упрекнул некоторых поэтов в чрезмерном увлечении старинной, в том, что они недостаточно активно вмешиваются в жизнь.

Поэт К. Маликов отметил, что вместо творческой учебы молодежи у мастеров в последние годы нередко приходится наблюдать слепое подражание. Заслуженного киргизского поэта Алыкул Осмонова, талантливый ученик, должен стремиться к тому, чтобы соревноваться со своим учителем. Однако некоторые молодые поэты лишь слепо копируют стихи Осмонова, заимствуют их форму и содержание. Это, конечно, неправильно.

Киргизская поэзия должна смелее идти вперед, покинув «некоторые застои», характерные, как отметил народный поэт Киргизии Аалы Токомбаев, «не только для киргизской поэзии, но и для поэзии народов других республик Средней Азии».

Новые книги

Гладков А. До новых встреч! Комедия. «Искусство», 124 стр. Цена 2 руб. 30 коп.

Лакисс Х. Пролетария колхозница. Драма. Авторизованный перевод с киргизского. «Искусство», 83 стр. Цена 1 руб. 50 коп.

Литературная Москва. Литературно-художественный сборник московских писателей. Издается в издательстве «Мир». 417 стр. Цена 7 руб.

Прийми М. Сборник сочинений. В шести томах. Т. 1. Гослитиздат. 376 стр. Цена 13 руб.

Полонский А. Ступень. Рассказы. Сынтин-кар. Киргизия. Издательство Коммунистической Республики Киргизия. 125 стр. Цена 2 руб. 50 коп.

Романов Г. М. Моей любовью. Поэма. Гослитиздат. 414 стр. Цена 1 руб. 50 коп.

Сербовская Е. Начало жизни. Повесть. Гослитиздат. 359 стр. Цена 7 руб. 10 коп.

Тельман М. Гостиница в Снеговце. Угроз. Закарпатское областное издательство. 128 стр. Цена 3 руб. 40 коп.

Эренбург И. Советский народ. «Советский писатель», 278 стр. Цена 4 руб. 70 коп.

БОЛЬШАЯ СУДЬБА

Недавно вышла книга стихов Константина Ваншенкина «Портрет друга». Новая книга — всегда событие в жизни писателя. Но для Ваншенкина последняя книга — событие особенное.

Первые стихи Ваншенкина, а затем и его книгу «Песня о часниках», появившуюся пять лет назад, хорошо встретили и читатели и критики. У поэта была своя тема, своя поэтическая область, в которой он чувствовал себя не гостем, не случайным посетителем, а давним обитателем, хозяином. И хотя его лирический герой был еще молод и, как говорится, не умудрен жизнью, внутренний мир этого героя отличался богатством, щедростью и искренностью чувств. Что-то очень непосредственное, юношески чистое несли с собой стихи Ваншенкина. И пусть стихам молодого поэта не хватало порой страсти и глубины, были все основания ждать от него в будущем — когда окрепнет голос и обогатится жизненный опыт — новых и больших успехов.

Но путь к этим успехам сложен и труден, и Ваншенкина вторая книга оказалась слабой первой. Были в ней и хорошие, удачные стихотворения, но не было той свежести и новизны, той поэтической проникновенности, которые привлекали в «Песне о часниках».

Как же дальше будет развиваться поэт, оправдается ли все-таки надежда на то, что ему предстоит большая и плодотворная творческая работа? Только новая книга Ваншенкина могла дать ответы на эти вопросы. Скажем сразу, новая книга «Портрет друга» свидетельствует о возмужании поэта, о том, что перо его становится увереннее.

Ваншенкин — поэт лирического склада. Это хорошо было видно уже в «Песне о часниках»: лучше всего молодому поэту удавались те стихотворения, в которых он стремился проникнуть в мир чувств нашего современника. И даже в его сюжетных стихотворениях это было самым главным и самым ценным. Вторая книга Ваншенкина, которой автор явно по недоразумению дал название «Лирические стихи», потому что и оказалась слабой первой, что поэт в ней слишком часто начинал говорить в несвойственном ему тоне, заменяя изображение внутреннего мира человека описанием или его внешним примет, либо поступком. Пожалуй, особенно отчетливо лиризм — характерная особенность поэзии Ваншенкина — проявлялась в пейзажных стихотворениях, опубликованных в книге «Портрет друга». Вот зарисовка зимних сумерек. Но не только прострел размытых красок гаснущего дня стремится запечатлеть поэт, а главным образом то настроение задумчивости, которое вызывает тишина наступающего вечера. В такую тишину «приходит хорошие мысли». Но трудно излагать содержание стихотворений: если бы можно было рассказать об этом в критической статье, увидимому, отпадал бы нужда писать стихи. Лучше приведем полностью небольшое стихотворение «Перед грозой» — яснее станут особенности лирики Ваншенкина.

Предельно четки ощущения.
Покая в сердце больше нет.
Предгрозовое освещение,
Где волею мрак и свет.

Он бывает очень спорным:
Порой глядишь и видишь враг,
Как то оравежьем, то черным
Все заливается вокруг.

То слышишь, то червонно-красным...
Притихишь, замерли дома,
Минута эта так прекрасна —
Пред ней ничто гроза сама.

Глубокий лиризм, изнутри освещающий эрот пейзаж, неизменно присутствует в произведениях Ваншенкина. Создать и передать настроение, обнажить диалектику чувств — здесь Ваншенкин сильнее всего. И, быть может, поэтому два небольших сатирических стихотворения, объединенных одним заголовком «Тишина», не удались поэту. Даже его поэма «Сердце матери» —

Константин Ваншенкин. «Портрет друга». М. «Советский писатель», 1955. 95 стр.

произведение с развернутым сюжетом, очень конкретной детализацией в описании — захватывает прежде всего воображением переживания матери, потерявшей единственного сына. Рассказать правдиво о раненом сердце, которое уже не заживает, доктор всегда будет кропотливо, рассказав об этом во имя утверждения жизни, — не легкая задача. Она по силам подлинному лирику.

«Портрет друга» — это название объединяет все произведения книги. Да, сборник стихов Ваншенкина — поэтическая повесть о ровесниках, о тех, кто со школьной скамьи ушел на фронт и там, под пулями, стал испрошен, о тех, кто вернулся с войны и принужден за работу, и о тех, кто шел за свободой. Пишет ли Ваншенкин о любви или детстве героя, которые приходят на мирные, предвоенные годы, — это стихи о солдатской судьбе, о большой судьбе ровесника. Поэма «Сердце матери» потому органически вошла в сборник, что это тоже произведение о солдатской судьбе. Пусть об этом не всегда говорится прямо, но военные годы наложили неизгладимые отпечатки на духовный облик героя:

Под вышкой, что метет над головой,
Под ливнем, над равниною гудящим,
Я не сойду с поста, как часовой,
Поставленный бессонным разведчиком.

В быту еще часто с лирикой связывают состояние размысленности, мечтательности, этакое безвольное подчинение сумятице чувств. И некоторые стихи последнего времени, к сожалению, поддерживают его заблуждение. Хорошо, что лирический герой Ваншенкина не только сильно чувствующий, но и сильный человек.

Книга «Портрет друга» при всех ее слабостях — удача поэта. Но изыскания в ней есть, и их нужно сказать не столько объективности ради, сколько ради того, чтобы будущие книги Ваншенкина были лучше. Речь идет не о частных недостатках, неудачных строках, неточных сравнениях, балластных и корявых рифмах, — речь идет об изысканном поэтическом мышлении.

«Чтоб стих был поэтический, — писал Белинский, — не только мало гладкости и звучности, но недостаточно и одного чувства: нужна мысль, которая и составляет истинное содержание всякой поэзии». Некогда стихам Ваншенкина недостает глубины, смелости мысли. Есть стихотворения, в которых мысль тонка и богата, но в них недостает поэтического мышления.

«Чтоб стих был поэтический, — писал Белинский, — не только мало гладкости и звучности, но недостаточно и одного чувства: нужна мысль, которая и составляет истинное содержание всякой поэзии». Некогда стихам Ваншенкина недостает глубины, смелости мысли. Есть стихотворения, в которых мысль тонка и богата, но в них недостает поэтического мышления.

Иногда Ваншенкин пасует там, где требуется драматическое обострение ситуации. Он словно робет перед тем, что несет с собой столкновение страстей, характеров. Это надо знать себе, например, в поэме «Сердце матери». В этом произведении о матери, потерявшей сына, есть еще одна драма. Подучив известие о гибели сына, мать приоткрыла и себя доушки, которую он любил. Но прошло несколько лет, окончилась война, и девушка эта, вновь полюбив, вышла замуж. Мать полюбила, ей этот поступок кажется страшным изменой. Но насколько эта ситуация была бы более драматичной, если бы речь шла не о невесте, а, скажем, о вдове погибшего сына. Мы не называем это именем такое решение поэта. Но, вероятно, в этом случае тема жизнеутверждения — главная тема поэмы — несли бы больше драматизма и звучала бы с большей силой.

Все это говорится потому, что Ваншенкин — поэт талантливый и расцвевший, который в дальнейшем может сделать больше того, что он делает сейчас. И хочется верить, что так и будет.

Л. ЛАЗАРЕВ

А долг все растет...

Литературный журнал — это своеобразная линия передачи, протянутая между писателями и читателями и несущая свежий ток мыслей и чувств художников слова. У узбекских писателей одной из таких линий передач является журнал «Шарк юлдузи».

И вот в последние время писатели все чаще начали говорить, что эта линия работает не на полную мощность. Они имеют в виду отставание «Шарк юлдузи» от требований жизни и лучших образцов советской литературы. Другие указывают, что в редакции нет инициативы и организаторского огня. Третий отмечает, что в журнале не налажена квалифицированная работа с авторами, публикуемые материалы плохо отредактированы. Все эти сведения обычно приходится слышать в стенах Союза писателей. А между тем «Шарк юлдузи» нуждается не в случайных разговорах о нем, а в конкретной, деловой помощи самих писателей.

В «Шарк юлдузи» отразилось то творческое оживление в узбекской литературе, которое пришло на смену периоду застоя. На страницах журнала появились романы А. Мухтара «Сестры» — первое крупное произведение, повествующее о формировании узбекского рабочего класса. В течение нескольких лет драматургия в республике отставала, а сейчас, с появлением ряда интересных пьес, успешно идущих на сцене, она стала наиболее активным участком узбекской литературы. Журнал опубликовал поставленную до этого в театре сатирическую комедию А. Бахара «Вольные зубы», в которой остроумно высмеиваются уродливые пережитки прошлого в быту и разоблачаются современные «феодалы в шляпах». Тепло приняты читателями пьесы молодых писателей А. Якубова «Настоящая любовь» и Б. Рахманова «Сердечные тайны». Есть удачные и в других отделах журнала. В отделе поэзии появились талантливые циклы стихов Мирмухсина «Гости», М. Бабаева «О верности». Напечатаны содержательные очерки Э. Рахима «Председатель приехал в Кызыл Дар» и С. Анарбаева «Люди вольноз». И однако, читая «Шарк юлдузи» за 1954—1955 годы, приходишь к выводу: журнал все еще не поспевает за жизнью,

слабо отражается на его страницах кипение великих работ, наполняющее наши дни.

В поле зрения редакции не попадают многие важные стороны сегодняшней жизни узбекского народа.

В Узбекистане трудится большой отряд рабочего класса — это шахтеры Анграна, энергетик Беговата, нефтяники Анджаана, текстильщики Маргелана, химики и машиностроители Чирчика, строители Ташкента. Но их жизнь и труд не привлекают внимания журнала. Темы воспитания и учебы школьной и студенческой молодежи, культурного строительства в городах и кишлаках все еще «стоят на очереди». Многие литературные журналы давно уже печатают произведения о жизни специалистов, посвятивших по зову партии в подвиги, о делах тридцатилетних, о подвигах молодежи на дальних землях. Такие герои есть и в Узбекистане. Но «Шарк юлдузи» ничего не рассказывает читателям об их большой и трудной работе.

Почему? Может быть, все дело в том, что в журнале проявляются тематические проблемы современной узбекской литературы? Конечно, качество журнала во многом зависит от состояния литературы. Но ведь писательский журнал должен быть и коллективным организатором родной литературы, обязан способствовать ее подъему. Редакция журнала следует не только повседневно заботиться о привлечении романов и повестей, поэм и пьес, но и заказывать, организовывать боевые, актуальные очерки, интересные выступления писателей по текущим вопросам жизни. От такой настойчивой организаторской работы — целевой, хлопотливой, но плодотворной — редакция «Шарк юлдузи», к сожалению, устранилась. И эта важная сторона деятельности журнала никогда по-настоящему не привлекала внимания писательской общественности. Журнал, например, не использует частые командировки писателей в области и районы республик. Да что командировки! Сколько еще нетрудовых тем в самом Ташкенте, где живет большинство писателей республики! А редакция безмятежно ждет новых и по возможности «апробированных» произведений.

По правде говоря, трудно вспомнить случаи, чтобы в последние годы «Шарк юлдузи» первым открыв и смело опубликовал какое-нибудь значительное произведение.

Роман А. Мухтара «Сестры», например, редакция долго не решалась принять. Он увидел свет только после выступления писателя И. Рахима в печати и авторитетной рекомендации Союза писателей Узбекистана. Живая и содержательная пьеса В. Халилова «Претенденты», посвященная забытой узбекскими драматургами теме воспитания, тоже была опубликована журналом не по собственной инициативе. Комедия Б. Рахманова и А. Якубова появились в журнале лишь после того, как они были успешно поставлены на сцене театра имени Хамзы. И опять следует задать вопрос писателям: разве это не их дело — обеспечить такую работу редакции журнала, так помочь ей, чтобы не приходилось столь часто ее попрашивать, рекомендуя к печати то или иное произведение?

А там, где редакция принимает самостоятельные решения, очень часто открываются дорожки риторическим стихам, бескрылой прозе, поверхностным и примитивным рецензиям. Тут уже действует принцип: пусть невразумительно и старо, но зато гладко и спокойно.

Возьмем сравнительно давний, одиннадцатый номер журнала за 1954 год. На двух страницах одного листа опубликованы стихи Гайрата «Моя республика» и А. Пулата «Мой Узбекистан». Первые стихотворения начинаются и кончаются традиционно повторяющейся строкой:

О, моя солнечная республика, ты маяк Востока.

Второе тоже построено на повторении аналогичной строки:

Маяк советского Востока, вечно свободный мой Узбекистан.

Посмотрим свежий номер «Шарк юлдузи» за январь 1956 года. В очерке Ф. Насриддинова «Спасибо партии», приуроченном к открытию XX съезда КПСС, так «расквашивается» о женском пути старого большевика: «До 1920 года он вел вооруженную борьбу против врагов... А в 1920 году был выбран председателем

союза кузнецов в старом городе. В этой должности работал до 1924 года... С 1924 по 1926 год работал секретарем Ташкентского уездного комитета партии. Во время земельной реформы партия направляла его в Анджаданскую и Телавскую волости. Там он работал председателем Комиссии по проведению земельной реформы и ожесточенно боролся против крупных земельных хозяйств. Он и над собой настойчиво работал... В 1926 году поступил учиться в Среднеазиатский коммунистический университет и успешно окончил его в 1929 году... В 1935 году поехал на работу в Палкский район. В 1938... и т. д.

Что перед таким изложением сущность протокола?

Здесь, кстати, нужно сказать несколько слов и о рассказах С. Анарбаева, заведующего отделом прозы журнала. Прежде он выступал с интересными критическими статьями, а в последние годы стал писать рассказы. Этому можно было бы порадоваться, если бы их художественный уровень не был так низок.

Вот один из них, названный «Шерали». Влюбленные в нем никак не могут обняться в любви. И вдруг ночью Шерали спасает участок хлопка от разлива арыка (уж сколько раз такого рода «спасениями» писатели вырвали своих героев из самых трудных положений). Появляется девушка. Она врач, а у Шерали только среднее образование. Тут же происходит объяснение в любви, и девушка, выслушав признание, сразу же предлагает Шерали ехать на учебу, чтобы получить высшее образование. «Если ты велишь — и на край степи пойдешь», — с удивительной самоверностью ропотует герой.

Только ли в этом рассказе о любви такая примитивность и беспомощность? Другой рассказ С. Анарбаева посвящен дружбе представителей различных национальностей, окрепшей на фронтах Отечественной войны, — рассказ так и называется «Друзья». Автор старается сделать произведение занимательным, подчинив этому заданию сюжет. Леитанент Алджан, узбек, спасает жизнь украинской девушки, схваченной фашистами. Девушка тут же влюбляется в него. Алджан отвечает ей взаимностью. Но капитан Апинин, друг и командир Алджана, пытается «колотить» у него любимую. Девушка резко отчитывает Апинина. Розовлеянный Апинин посылает Алджана в опасную разведку, где тот получает смертельное ранение. Бапи-

тан, которого мучают угрызения совести, отдает свою кровь, чтобы спасти жизнь Алджану. «Так укрепилась их дружба», — всем строем рассказа утверждает автор. Но можно ли говорить о дружбе с человеком, который пытается собить любую девушку друга и в служебных делах, да еще на войне, где ошибки стоят жизни и крови, руководствуется личными чувствами зависти и ревности. И какое все это, мягко говоря, имеет отношение к теме дружбы народов?

Малохудожественные и примитивные названия рассказов С. Анарбаева «Раскапанье», «Эх, плохо получилось...», посвященные темам воспитания. За 1954—1955 годы ни один писатель не напечатал в «Шарк юлдузи» столько рассказов, сколько С. Анарбаев. Писатели, конечно, знают об этом. Но почему-то мирятся с тем, что в их журнале печатается явный брак.

Еще хуже обстоит дело в отделе критики. Литературные дискуссии и выступления по творческим вопросам редакция не организует. Страницы, отводимые отделе критики, заполняются в основном рецензиями. А книги для рецензирования отбираются те, о которых писать проще. Чем же другим объяснить, что «Шарк юлдузи» так охотно откликается на ничем выдающиеся книги, например, М. Мухаммаджолова, Ю. Хамдама, И. Турмухамедова?

Публикуемые рецензии удивительно похожи друг на друга. Как правило, рецензия пересказывает содержание произведения и цитирует важные по смыслу отрывки из него, без учета их художественной ценности. Потом рецензент высказывает несколько робких критических замечаний. И все это заключает дескертной фразой: «Несмотря на эти недостатки и упущения, книга такого-то в основном заслуживает положительной оценки» или «является ценным вкладом в литературу».

По этой испитательной схеме построены и рецензия Саид Назара, посвященная книге стихов Д. Джаббарова, и рецензия Дж. Расулудева о сборнике Ю. Хамдама, и рецензия Ф. Насриддинова на новые стихи Зулфия и т. д. Создается впечатление, что рецензенты просто заполняют экземпляры одной и той же анкеты. В этих рецензиях-анкетах обычно отсутствуют анализ творческой манеры автора, художественных достоинств и слабостей его произведений, не высказывается связь книги с литературным процессом. Но часто встречаются общие рассуждения и натяжки. «Чувствуется стремление Ю. Хамдама», — пишет Дж. Расулудев, — к оригинальности описания. Поэт старается нарисовать картину реалистическими и живыми красками. Ярким примером этого служат... строки:

С ее полных щек, покрасневших на солнце,
Текли капли пота, как жемчугу.

Жаль, что ни в журнале, ни в Союзе писателей не прилагают по-настоящему усилий, чтобы сломить эту власть схемы, преодолеть бездумность и примитивизм критики.

Всего этого наверняка не было бы, если бы журнал нела терпел и уверял редакторская рука, если бы каждый его работник чувствовал достаточно ответственность за порученное дело. К сожалению, материалы, появляющиеся на страницах журнала, или не редактируются вовсе или редактируются очень плохо. Ирано же, нужно самое небольшое редакторское внимание, чтобы поправить опечатки статьи «Об узбекской сатире», и которой революционные стихи-песни Хамзы «Мы рабочие», «Да здравствуют Советы», «Эй, ай страелям!», патристические стихи-призывы Хамиды Алджандана «Возьми оружие в руки» приписаны к сатире. При нормальной работе редакции в журнале не появилась бы смешотворный разномой в двух статьях, опубликованных в одном номере: в них тект песни «Милые девушки» приписывается то Зулфия, то И. Мумину.

Знает ли Союз писателей Узбекистана о плохой работе редакции «Шарк юлдузи»? Знает. Писатели часто говорят о недостатках журнала. Но все остается по-старому, хотя давно уже с убедительной наглядностью выявилось, что сама редакция не может преодолеть своих серьезных недостатков, что долг журнала перед читателями не уменьшается, а растет.

Союз писателей Узбекистана несет полную ответственность за состояние своего журнала, и он должен принять действительные меры для его улучшения. Этого требуют интересы узбекской литературы. Этого требуют большие задачи, выдвинутые перед всем народом, в том числе и перед узбекскими писателями. XX съезд КПСС

П. КАДЫРОВ

литературный процессом. Но часто встречаются общие рассуждения и натяжки. «Чувствуется стремление Ю. Хамдама», — пишет Дж. Расулудев, — к оригинальности описания. Поэт старается нарисовать картину реалистическими и живыми красками. Ярким примером этого служат... строки:

С ее полных щек, покрасневших на солнце,
Текли капли пота, как жемчугу.

Жаль, что ни в журнале, ни в Союзе писателей не прилагают по-настоящему усилий, чтобы сломить эту власть схемы, преодолеть бездумность и примитивизм критики.

Всего этого наверняка не было бы, если бы журнал нела терпел и уверял редакторская рука, если бы каждый его работник чувствовал достаточно ответственность за порученное дело. К сожалению, материалы, появляющиеся на страницах журнала, или не редактируются вовсе или редактируются очень плохо. Ирано же, нужно самое небольшое редакторское внимание, чтобы поправить опечатки статьи «Об узбекской сатире», и которой революционные стихи-песни Хамзы «Мы рабочие», «Да здравствуют Советы», «Эй, ай страелям!», патристические стихи-призывы Хамиды Алджандана «Возьми оружие в руки» приписаны к сатире. При нормальной работе редакции в журнале не появилась бы смешотворный разномой в двух статьях, опубликованных в одном номере: в них тект песни «Милые девушки» приписывается то Зулфия, то И. Мумину.

Знает ли Союз писателей Узбекистана о плохой работе редакции «Шарк юлдузи»? Знает. Писатели часто говорят о недостатках журнала. Но все остается по-старому, хотя давно уже с убедительной наглядностью выявилось, что сама редакция не может преодолеть своих серьезных недостатков, что долг журнала перед читателями не уменьшается, а растет.

Союз писателей Узбекистана несет полную ответственность за состояние своего журнала, и он должен принять действительные меры для его улучшения. Этого требуют интересы узбекской литературы. Этого требуют большие задачи, выдвинутые перед всем народом, в том числе и перед узбекскими писателями. XX съезд КПСС

П. КАДЫРОВ

